

Лэ Чэньань остановил протянутую руку, тихо произнеся:

— Неизвестность пугает, но еще больше вызывает желание попробовать. Я не против экспериментов, даже если страшно, даже если опасно. Новый опыт всегда вдохновляет.

Это были слова Му Ханя, сказанные во время интервью для журнала. Лэ Чэньань дословно их повторил.

— Так что, давай попробуем?

Рука Лэ Чэньаня скользнула к пояснице Му Ханя, а тот широко раскрыл свои влажные глаза, схватив запястье непослушной руки и с недоумением уставившись на него:

— Мм?

Лэ Чэньань, хоть и не мог пошевелиться из-за захвата, не отступил. Стиснув зубы от боли в запястье, он продолжал двигаться к цели, даже если в следующую секунду его руку могли сломать. В этот момент он не хотел сдаваться. Приблизившись к щеке Му Ханя, он легонько укусил тонкую мочку уха, передавая шепот соблазна прямо в его ухо:

— Позволь мне, хорошо?

Му Хань на мгновение застыл в растерянности. Его кожа по-прежнему была неестественно красной, сердцебиение неровным, но взгляд, устремленный на Лэ Чэньаня, был горячим, почти благоговейным.

Лэ Чэньань почувствовал, как сила, сжимающая его запястье, постепенно ослабевает, оставляя на коже лишь жгучую боль. Неизвестно, то ли Му Хань пожалел его после недавнего приступа аллергии на алкоголь, то ли действительно поддался его уговорам, но в глазах Му Ханя появилась мягкость:

— Хорошо.

Лэ Чэньань на мгновение замер. Соппротивление исчезло, и он легко коснулся гладкой поясницы, где с обеих сторон виднелись небольшие ямочки. Очнувшись от своих мыслей, он быстро достал из сумки бутылочку увлажняющего крема с легким цитрусовым ароматом и открыл крышку.

Их дыхание было прерывистым, но громкий шум двигателей служил отличной маскировкой на высоте десяти тысяч метров.

Взгляд Му Ханя долго оставался рассеянным. Лэ Чэньань обнял его за плечи, поцеловав в ухо. Пальцы все еще дрожали и немели, но усталость после сильного возбуждения не наступила. Он отодвинул мокрые от пота волосы со лба Му Ханя, тыльной стороной ладони вытирая мелкие капельки пота.

В салоне постепенно воцарилась тишина. Му Хань пошевелился, оттолкнул руку Лэ Чэньаня и сел. Медленно надел пижаму. Вставая, он на мгновение замер, словно вздрогнув. Лэ Чэньань тут же поднялся, чтобы последовать за ним, но тот остановил его. Не сказав ни слова, Му Хань направился в душевую. Вернулся только через полчаса, сонно опустив глаза, снова лег под одеяло.

Тишина вызывала беспокойство. Лэ Чэньань протянул руку, но тут же отдернул, не зная, что сделал не так. Или, может, этот человек уже жалел о случившемся? Теперь, когда мозг мог спокойно думать, он осознал, что произошло...

— Что ты все сидишь? — Голос Му Ханя был хриплым, глаза не открывал.

— А... нет, это... ты, ты не злишь... — Даже если бы сейчас тот дал ему пощечину, он бы не возразил. Первый раз без опыта, и, закрыв глаза, он прекрасно понимал, насколько плохо было тому.

— Не злюсь. — Му Хань глубоко вздохнул. — Немного больно.

Лэ Чэньань испугался:

— Где, где болит! Очень больно?! Я, я, прости...

— Где еще может болеть. Когда-нибудь сам попробуешь — поймешь. Спи.

Словно вымотанный, Му Хань быстро погрузился в сон, дыхание стало ровным.

Когда тот крепко уснул, Лэ Чэньань тихо встал и пошел в душ.

Когда-то Чжан Ицзэ в шутку спросил: «МУ, ты справишься?»

Теперь он мог с гордостью ответить: «Конечно, справлюсь».

Но то, что этот человек почти безгранично уступал ему, вызывало чувство вины и беспокойства.

Спрашивая себя, заслуживает ли он такого нежного отношения?

Думал, что снова не уснет, но, вернувшись к тому человеку, обняв теплое тело, Лэ Чэньань впервые на самолете заснул так крепко, пока его не разбудили на рассвете.

Он открыл глаза. Му Хань снова был спокоен, одетый, сидел на краю кровати и смотрел на него:

— Доброе утро.

Лэ Чэньань перевернулся, обнял его за талию, прижавшись щекой:

— Доброе утро, малыш.

Этот нежный утренний момент быстро прервала безжалостная насмешка стюардессы. Лэ Чэньань, нервничая, отпустил его.

— Мой брат, очень привязчивый. — Му Хань спокойно взял поднос из рук стюардессы, торопя Лэ Чэньаня пойти умыться.

Услышав, как Му Хань назвал его *clingy*, он почувствовал еще больше сладости в сердце.

На шее того едва виднелись следы прошлой ночи, и Лэ Чэньань почувствовал волну нежности, глаза наполнились теплом. Тот подтолкнул его:

— Иди.

Му Хань посмотрел на синяк на запястье Лэ Чэньяня. Это, должно быть, осталось от того, как он пытался остановить его вчера. С такой силой он не смог удержать его дерзость. То, что он так долго боялся коснуться, этот человек осмелился сделать без колебаний.

Лэ Чэньянь написал письмо об увольнении на тысячу слов, тщательно подбирая каждое, чтобы убедиться, что он похвалил и восхитился всей студией, отдельно выделив помощь Сун Шэня и Тан Синь, а также выразив уважение к учителям.

Прочитав текст, он понял, что выглядит как неблагодарный человек, который не ценит поддержку и помощь старших.

Его палец завис над мышью, не решаясь нажать кнопку отправки. Кто-то не раз говорил ему: «Ты всего лишь фотограф, зачем так усердствовать?»

Подумав, Лэ Чэньянь полностью удалил этот фальшивый текст, открыл новый документ, кратко и ясно изложил причины своего увольнения, искренне поблагодарил за возможности и помощь, которые получил за последние полгода, и закончил вежливыми пожеланиями.

Отправил электронное письмо и распечатал бумажное.

В понедельник утром он положил белый конверт с надписью «Письмо об увольнении» на стол Сун Шэня, начал заниматься рутинными делами: убирался, покупал кофе, проверял и обслуживал оборудование, уточнял рабочие планы, пока не пришла Тан Синь.

— Что ты здесь делаешь? — Тан Синь взяла уже стоящую на столе чашку кофе, не показывая недовольства. — У тебя еще две недели отпуска, как там с размышлениями? Пришел к какому-то выводу?

Она, как обычно, сделала глоток кофе, повернулась к компьютеру, готовясь обрабатывать снимки.

В последнее время Тан Синь начала самостоятельно снимать для журналов, пусть и не для самых модных, но это был значительный шаг вперед.

— Тиффани, я... — Лэ Чэньянь глубоко вздохнул, успокоившись. — Я оставил письмо об увольнении на столе у учителя Сун Шэня и отправил вам электронное письмо.

Тан Синь остановилась, повернула стул и посмотрела на него:

— Ты что, вместо того чтобы разобраться в себе, решил покапризничать? У тебя есть поддержка, и ты думаешь, что можешь делать что угодно? Ты еще хочешь оставаться в этой сфере?

Это не было капризом или обидой, и он действительно не очень хотел оставаться в этой сфере.

— Сестра Тан, я просто чувствую, что действительно не подхожу для коммерческой фотографии в мире моды. — Он спокойно встретил взгляд раздраженной Тан Синь. — Я немного глуповат, особенно не разбираюсь в моде, да и в человеческих отношениях не силен. Когда я подавал резюме перед выпуском, я действовал импульсивно, просто хотел попасть в большую студию, учиться у мастеров, но не продумал свой дальнейший путь.

Его привлекли известность и статус Сун Шэня, он надеялся однажды получить такое же признание и уважение.

Но этот путь привел его к тому, что он забыл, как в библиотеке его вдохновил альбом с гуманистической фотографией, который и привел его в эту профессию.

— Я был слишком поверхностным. — Лэ Чэньань улыбнулся Тан Синь. — Я немного разочаровал ожидания учителя Сун Шэня, но сейчас я не достоин этого. И не должен был так торопиться, чтобы добиться успеха. Вы и учитель Сун Шэнь были правы.

Фотография — это выражение, и только полностью поняв, что ты хочешь выразить, можно стать профессиональным фотографом.

Тан Синь вздохнула:

— Скажи это самому учителю Сун Шэню.

— Спасибо. — Лэ Чэньань сказал. — Если понадобится помощь, зовите, я всегда готов помочь.

Сун Шэнь, как и ожидалось, не проявил особой реакции, только спросил:

— Ты все обдумал?

Лэ Чэньань кивнул:

— Спасибо за возможность учиться у вас.

— Знаю, что тебя не удержать. Удачи в будущем. — Сун Шэнь закурил. — И спасибо тебе.

<http://bllate.org/book/16169/1449278>